

History of the book as a specific field of research started to develop in the 1920s. The leading researchers were Friedrich Puskoo and Richard Antik. Puskoo was the author of the first general overview about the history of the Estonian book. Antik contributed to the elaboration of the principles of book statistics and to the study of the content of book production.

After the World War Two the research on book history was interrupted for nearly two decades. Many productive researchers had been arrested or were forced to give up academic activities. The study of book processes was closely connected to official ideology that had strong impact on the choice of the topics and periods available for research.

In the independent Estonia the book historians started to re-evaluate and rewrite the history of the book of the 20th century. The new research concentrated first of all on the damage that was caused to the book collections during the Soviet rule and to the functioning of censorship.

Галина Ковальчук

УКРАИНСКАЯ КНИГОВЕДЧЕСКАЯ ШКОЛА 1920-х гг.

В статье раскрывается деятельность Украинского научного института книговедения, который в 1920-х гг. олицетворял книговедческие исследования в УССР. Украинская книговедческая школа имела свои характерные особенности, которые отличали ее от других.

Украинскую книговедческую школу в 1920-х гг. представлял преимущественно Украинский научный институт книговедения (УНИК), созданный в Киеве в середине 1922 г. на базе бывшей «Главной книжной палаты в г. Киеве» (сокращенно – ГКП, работала с начала 1919 г., далее неоднократно реорганизовывалась): и помещение, и собранный ГКП фонд украинских изданий 1917–1921 гг., и, главное, начальный коллектив УНИК – это фактически реорганизованная Главная книжная палата.

Возглавил Институт, созданный во многом благодаря его идеям и настойчивости, тридцатилетний энергичный Ю. А. Меженко (настоящая фамилия Иванов, 1892–1969). Его единомышленники, которые начинали вместе с ним библиографическую деятельность в ГКП – Т. Г. Волобуева, В. В. Шпилевич, Н. Б. Заглада и др., пришли в 1922 г. на работу в УНИК. В 1923 г. к ним присоединились библиографы Н. Н. Иванченко и Я. И. Стешенко. Фактически это и был основной костяк Ин-

ститута, штат которого, вместе со вспомогательным персоналом, насчитывал 8–10 человек ежегодно. При Институте был организован кружок библиографов и ученых, которые объединились в Библиологическое общество; они собирались на заседания, где заслушивались доклады по книговедению, подготовленные преимущественно на основе материалов, собранных ГКП и позже УНИК.

Какие же задачи ставил перед собой Институт? Ответ на этот вопрос в определенной мере дает бланк УНИК, которым пользовались первые годы. Заметим, что термины «книговедение» и «библиология» употреблялись тогда как синонимы. На бланке коротко, телеграфным стилем указано: «Задачи: Исследование и изучение книговедения вообще и, в частности и главным образом, украинского книговедения. Организация библиологического научного центра на Украине. Разработка и пропаганда научно-методической библиологической работы. Объединение и помощь работе украинских библиологов. Средства: Постоянная связь с международными, заграничными и украинскими научно-книжными учреждениями и библиотеками. Картотека украинской печати. Энциклопедия документов. Библиотека украинской печати. Библиотека книговедения. Музей книги. Курсы книговедения. Библиологическое издательство. Журнал «Бібліологічні вісті» [34]. В то время были предусмотрены следующие функции: 1) научное изучение украинской печатной продукции, изданной до 1917 г.; 2) статистические исследования и научное изучение печатной продукции Украины с 1917 г.; 3) изучение украинских изданий за границами Украины. Таким образом, кроме книги планировалось изучать также прессу, листовки, плакаты.

Согласно первому «Положению» 1923 г., Украинский научный институт книговедения должен был заниматься разработкой вопросов книговедения и всех смежных с ним дисциплин, составлением научной библиографии по разным отраслям знаний, созданием архива украинской печати, в котором собирались бы все печатные материалы об Украине для их изучения [28]. Позитивное значение для дальнейшего развития книговедческой деятельности в республике имели резолюции Первого всеукраинского совещания работников книги, проведенного в ноябре 1923 г., особенно «О создании библиологическо-

го общества», «Об издании библиологической литературы», «Подготовка работников книги на Украине», «Объединение научно-библиологической работы на Украине». За УНИК закреплялись такие задания: «1. Изучение общих проблем библиологии и ее отдельных отраслей: книгопроизводства, распространения книг в форме библиотечной и торговой, методов библиографического описания и классификации, и, наконец, социально и индивидуально-психологические стороны использования книги. <...> Обследование издательств, книжных складов, библиотек, изучение всего пути книги от производителя к потребителю, экспериментальное изучение всех проблем, которые стоят перед ней, – такой должен быть характер работы Института. Издание периодических и непериодических трудов по всем вопросам библиологии, организация курсов по книжному делу, объединение и направление работы кафедр книговедения, таким должно быть практическое проведение исследовательской работы Института. Институт книговедения должен также заниматься библиографией “Украиника” (вторая группа заданий)» [27]. Кроме научных разработок УНИК прилагал значительные усилия к подготовке кадров книговедов, к популяризации книги путем проведения выставок, лекций, тематических вечеров, а также к участию в съездах, совещаниях и конференциях.

В 1920-х гг. только происходило становление отечественного книговедения, библиографоведения, библиотековедения. Тогда это не были совершенно отдельные науки. Вот как об этом писал Ю. Меженко в начале 1926 г.: «Все научные исследователи книги единогласно характеризуют книговедение как дисциплину, которая объединяет все познания о книге в ее прошлом и настоящем, и имеет в виду, с одной стороны, выяснить условия происхождения, распространения и эксплуатации произведений печати и письма, а с другого – выявить причины и результаты качественного и количественного их состава при разнообразных обстоятельствах; книговедение объединяет несколько крепко между собой связанных дисциплин: историю книги, библиографию, библиотековедение, книготорговое и издательское дело, библиопсихологию, теорию книговедения и т. д. Коротко, пользуясь терминологией Н. М. Лисовского, книговедение объединяет книгопродукцию, книгоописание

(библиографию) и книгораспространение (книжная торговля и библиотековедение). <...> Очерченный выше комплекс дисциплин, который охватывает книговедение, определяет задачи и объем деятельности УНИК. Институт книговедения штудировал и исследует книговедение, то есть все методологические вопросы книговедения, книгопродукцию, книгоописание (библиографию), книгораспространение (книжную торговлю) и книгоиспользование (библиотековедение и библиофилию)» [13]. Исходя из вышеизложенного и на том основании, что состояние библиологической науки в Украине, а также финансовые ресурсы государства требуют объединения всех тесно связанных между собой отраслей книговедения в одном книговедческом институте, УНИК разработал новое Положение, в котором был очерчен ряд задач: а) проведение научно-исследовательской работы в области книговедения в узком (теория и методология книговедения, философия книги) и широком понимании (книгопродукция, книгоописание, книгополюция и книгоиспользование); б) подготовка квалифицированных практических и научных деятелей книжного дела; в) координация библиологической (в том числе библиографической) работы учреждений, организаций и отдельных особ; г) популяризация вопросов книговедения.

Процесс разграничения функций крупнейших книговедческих учреждений республики (Всенародная библиотека Украины (ВБУ) – библиотековедение; УНИК – теория книговедения, история и искусство книги, руководство чтением, проблемы издательского дела, а также теоретические проблемы библиографоведения; Книжная палата (УКП) – текущая библиография украинской печати и статистика печати) шел очень болезненно. УНИК отстаивал свое право заниматься книговедением, которое понимал комплексно («широко»). После длительного обсуждения новое Положение УНИК было утверждено в 1926 г. [29]. Учреждение получило новое официальное название – «Украинский научно-исследовательский институт книговедения», хотя сокращенное название осталось «УНИК». В Положении были сформулированы новые задачи Института, изменена его структура. УНИК должен был готовить и издавать труды по теории и истории книговедения, изучать условия работы во всех сферах книжной деятельности вообще и на тер-

ритории Украины в частности, разрабатывать планы по всем отраслям книговедческой работы для согласования и объединения деятельности всех учреждений УССР, которые проводят такую работу. Предполагалось создание музея книги, собственного издательства, значительное увеличение научного труда.

С осени 1926 г. УНИК был поделен на секции истории книги, социологии и экономики книги, техники и искусства книги. Как ни парадоксально, но в Институте книговедения секции или комиссии книговедения не было. В то же время УНИК как первое в Украине научное учреждение в области науки о книге положил начало разработке теоретических и исторических основ украинского книговедения.

На наш взгляд, важной для понимания книговедческих процессов того времени является статья Ю. Меженко «Підсумки і деякі перспективи в українській бібліологічній роботі» [25]. Ю. Меженко подчеркивал отсутствие отечественных книговедческих традиций, нехватку соответствующей литературы, недостаток собранных вместе источников («сырьевого материала»), т. е. издательской украинской продукции, «анальфабетическое» знание украинской книги и вместе с тем – постоянный рост отечественной книжной продукции, а значит, и появление проблемы ее хранения и изучения. Основными проблемами в книговедческой работе Ю. Меженко считал отсутствие консолидации библиологов, единого плана работы, а также библиологическую несознательность авторитетных научных и правящих сил. Другим направлением книговедения он считал изучение книги Советской Украины в издательско-торговой отрасли, трактуя состояние отрасли, как «упадок» [25, с. 43]. Пристальное внимание в этой статье Ю. Меженко уделил библиотековедению, назвав его библиотекономией, и считая его состояние наихудшим среди всех библиологических дисциплин [25, с. 44], таким образом причисляя библиотековедение к книговедческой (библиологической) дисциплине. В лучшем положении по сравнению с другими отраслями библиологии, по мнению Ю. Меженко, пребывала история украинской книги, поскольку стадия собирания материалов была уже закончена. Хотя он подчеркнул очень важную вещь: в российской научной литературе украинская книга по XVIII в. включительно изучалась как русская, поэтому здесь исследований много, а вот украинская книга XIX в. почти не изучена.

Фактически в этой статье Ю. Меженко изложил стратегические направления деятельности УНИК как специализированного научного книговедческого учреждения, уделив главное внимание прежде всего библиографии как основе научно организованной библиологии, как первой, начальной стадии науки о книге – этапу собирания эмпирического материала. По словам Ю. Меженко, молодая наука – «украинская библиология» – не имела еще в своем распоряжении нужного материала. «Некоторый приоритет библиографии был допущен вполне сознательно, потому что научно-библиографической работы ни одно учреждение до этого времени не вело, не ведет и, очевидно, долгое время вести не будет» [25, с. 46]. Кроме того, сказывалось отсутствие квалифицированных кадров книжного дела вообще, что объяснялось историческими причинами: дореволюционного опыта почти не было, считанные единицы специалистов эмигрировали, погибли или отошли от дел.

Вступительные статьи Ю. Меженко к четырём томам «Трудів УНІК» можно расценивать как концептуальные программы развития определенных направлений книговедения. Например, в статье к первому тому – «Українська книга XVI–XVII–XVIII вв.» – он отмечал: «Но нам, работникам на поле украинской библиологии, приходится в своей научной работе почти все начинать с самого начала. Мы вынуждены закладывать фундамент под украинское книговедение. В силу исторических обстоятельств, которые тормозили развитие украинской культуры, мы не получили от предыдущих поколений почти ничего, на чем мы могли бы твердо поставить свои книговедческие опыты. И поэтому работа Украинского научного института книговедения в течение уже нескольких лет была не так профессионально-исследовательская, как библиографически-описательная. Мы собирали тот материал, который должны были бы позже исследовать. Мы составляли десятки тысяч библиографических карточек, чтобы выяснить, что же, как сырьевой материал, представляет собой украинская книга» [32, с. VII–VIII].

Во вступительной статье ко второму тому трудов – «Бібліотека і читач на Україні» после небольшого ретроспективного обзора украинских книговедческих публикаций и отказа от книговедческой концепции Н. Лисовского (при ее об-

щей положительной оценке) Ю. Меженко писал: «Этот читательцентричный метод распространился и на другие библиологические дисциплины; это должно подготовить новую схему, которая и приведет к пониманию целого книговедения как социологии книги» [24, с. 6].

Среди других книговедческих публикаций Ю. Меженко можно назвать, в частности, редакционную статью к первому номеру журнала УНИК «Бібліологічні вісті»; рецензию на книгу А. Малеина и М. Флеера «О редкой книге» (1923. № 2. С. 26–28), в которой, положительно оценивая статью А. Малеина, Юрий Алексеевич отмечает: «Мы думаем, что внесение принципов научности содержания (при определении критериев редкости книги. – Г. К.) идет вразрез с методикой библиологии, что признает книгу как социально-экономическое явление, а не как научную работу. Возможно, что фронтовая литература 1917–1918 гг. содержанием своим научного значения не имеет, но сейчас для нас она является огромным раритетом и объективным материалом, по которому можно изучать целую эпоху начала революции» (с. 27). В журнале «Життя й революція» за 1927 г. (№ 10–11, 12) была опубликована его статья «Українська книжка часів Великої революції», при этом тиражированный оттиск этой статьи в виде брошюры в 1928 г. выпустил УНИК. По нашему мнению, эта статья, написанная не просто специалистом отрасли, но и свидетелем тех событий, до сих пор не утратила своего научного и исторического значения.

Главной заслугой сотрудников Института считаем то, что им удалось привлечь к активной творческой деятельности лучшие научные силы в области книговедения не только Киева, но и всей Украины, а также России и зарубежья. Для этого при УНИК были созданы комиссии, к работе в которых на общественных началах привлекался широкий круг книговедов разного профиля. Количество и названия комиссий не всегда совпадали с секциями. Комиссии собирали свои заседания 8–12 раз в год, практически ежемесячно. На заседаниях зачитывали и обсуждали подготовленные членами комиссий научные доклады, лучшие из которых позже публиковали на страницах журнала «Бібліологічні вісті» или отдельными изданиями – всего более 60 изданий за 8 лет! Это было действительно время расцвета украинского книговедения.

Комиссий сначала было организовано четыре: истории книги, руководитель проф. С. И. Маслов; искусства книги и техники, руководитель проф. Н. Е. Макаренко; библиографическая, руководитель акад. С. А. Ефремов; временная комиссия для проведения библиотечной переписи, руководитель Ю. А. Меженко. В сотрудничестве с Институтом украинского научного языка АН УССР при УНИК работала также терминологическая комиссия, задача которой состояла в разработке украинской книговедческой терминологии [31, л. 6].

Членами комиссии истории книги были С. Маслов, П. Попов, В. Романовский, П. Клименко, В. Барвинок, В. Игнатиенко, С. Ефремов, М. Ткаченко, В. Иваницкий, Н. Сагарда, В. Данилевич, В. Мияковский, А. Назаревский и др. Наиболее плодотворный след в области истории книги оставил, работая в УНИК, Сергей Иванович Маслов. Именно он утвердил в украинском книговедении научный подход к изучению истории книги. В 20-х гг. XX в. им были подготовлены значительные работы историко-книговедческого характера. Среди них, безусловно, «Друкарство на Україні в XVI–XVIII ст.» (напечатано на страницах юбилейного выпуска «Бібліологічних вістей» и отдельным оттиском в 1924 г.). В 1926 г. в Майнце, в Гутенберговском ежегоднике («Gutenbergjahrbuch»), был опубликован подготовленный по просьбе Музея Гутенберга адаптированный для иностранных читателей перевод этой работы на немецкий язык с новыми фотоснимками. Эта публикация свидетельствовала о выходе украинского книговедения на международный уровень.

Как справедливо отмечал И. И. Корнейчик, С. И. Маслов первым из украинских книговедов перешел от наблюдений за отдельными экземплярами старопечатных изданий к обобщению накопленных знаний [19, с. 108]. Самой важной в этом плане нам представляется его работа «Українська друкована книга XVI–XVIII вв.», изданная в серии УНИК «Науково-популярна бібліотека книгознавства» в 1925 г. Известный польский книговед К. Мигонь подчеркивал: «Книжка Маслова была первой украинской попыткой систематического синтеза истории украинских старопечатных изданий» [39, с. 32]. В этой работе наряду с историческими сведениями о типографиях XVI–XVIII вв., действовавших в Украине, рассмотрено содер-

жание и язык книг, титульные листы, фронтисписы, шрифты, которыми пользовались типографии, художественные украшения, формат книг, их внешний вид, варианты изданий; даются сведения о книжной торговле, библиотеках и библиофильстве. Итак, как видим, С. Маслов считал историю книги комплексной наукой. В 1925–1929 гг. были изданы 12 его «Етюдів з історії стародруків» в трех выпусках, из них 8 первых «этюдов» опубликовал УНИК. Именно С. И. Маслов первым выдвинул важное методическое требование – при описании и изучении того или иного старопечатного издания рассматривать, по возможности, все экземпляры этого издания, которые сохранились. Ученый и сам использовал сравнительный метод изучения дублетов (разных экземпляров) отдельных старопечатных изданий, выявив интересные факты из истории старопечатных книг.

Значительные наработки в области истории книги и книгопечатания принадлежат члену комиссий истории книги и искусства книги УНИК Павлу Николаевичу Попову. Как отмечали специалисты, его исследования начала книгоиздания в славянских странах засвидетельствовали приход в книговедческую науку серьезного ученого [36]. Исследования П. Попова в период его сотрудничества с УНИК – «Початок друкарства у слов'ян» (1924), «Друкарство, його початок і поширення в Європі» (1925), «Матеріали до словника українських граверів» (1926) и др. – открыли новую страницу в истории книги в Украине. П. Попов установил имена неизвестных до того украинских граверов. Он положил начало искусствоведческому подходу к изучению печатной книги в Украине.

На украинских землях печатали разными шрифтами – на основе церковнославянского, латинского, гражданского, еврейского шрифтов, и, разумеется, на разных языках для разных категорий населения. Поэтому в УНИК, комплексно исследуя историю книгопечатания в Украине, изучали и еврейские издания. Результаты исследований публиковались на страницах журнала «Бібліологічні вісті» (статьи С. Борового, Г. Перлина).

Если благодаря работам и украинских, и русских, и белорусских ученых история украинского книгоиздания XVI–XVIII вв. изучалась достаточно, то история украинской книги конца XVIII и XIX в. была практически до того времени не исследо-

вана. Поэтому Институтом были поддержаны работы П. Балицкого «Історія української книги I пол. XIX ст.» и «Харківські видавці і їх українські видання першої половини XIX ст.»; С. Ефремова «На світанку українських видавництв» и «В тісних рямцях. Українська книга в 1798–1916 pp.» – обстоятельные разыскания в области отечественной дореволюционной печати. Ученые стремились исследовать историю издательств, цензуры, периодики, вклад отдельных деятелей, т. е. изучать вопросы развития книги в комплексе.

Отдельным направлением исторических исследований УНИК можно считать изучение отечественной периодики. Более других в этом направлении сделал в 1920-х годах В. А. Игнатиенко [17]. Уже в первом печатном номере журнала «Бібліологічні вісті» за 1923 г. (№ 3; первые два были машинописными) он опубликовал серьезную научную статью «Історія української преси та її вивчення» (стб. 21–26). Исследователь подчеркнул, что до того времени «не написана не только история ее развития, а даже не опубликованы материалы к ее изучению в виде библиографического списка названий. Также не разработаны такие важные вопросы, как: 1) что считать украинской прессой; 2) какую территорию исследовать; 3) как классифицировать прессу». Если положить в основу решения вопроса принцип государственности, размышлял В. Игнатиенко, то придется считать украинской прессой периодические издания, которые выходили на территории УССР на разных языках, и исключить всю прессу на украинском языке, которая выходила за границами республики (в западно-украинских землях, Надднестрянской Украине и в украинских диаспорах Америки и Сибири). Значит, полной, разнообразной картины развития украинской периодики не будет. Кроме того, не войдет сюда история украинской периодики до 1918 г., поскольку до того Украина не имела государственности. Таким образом, критерий государственности он отбросил.

Относительно принципа языка автор напомнил о наличии разных диалектов и разного правописания и предложил принять, что украинским языком будут считаться все его варианты на протяжении исторического развития. Но возникают вопросы: куда отнести двуязычные издания, например, на украинском и русском языках, а также издания с украинским нацио-

нальным содержанием, которые издавались на других языках – русском («Украинская жизнь», «Украинский вестник»), немецком, французском и др. Выходит, один принцип языка тоже безоснователен. Для его большей реальности нужно опереться, писал В. Игнатиенко, на какую-то территорию как базу, и такой территорией можно считать этнографическую территорию расселения украинской нации. Таким образом, единственным принципом, который решает вопрос, «что считать украинской прессой», автор предложил принцип языка в соединении «с основной этнографической территорией расселения украинского народа с добавлением тех островков, что заселили украинские эмигранты в Америке, на Дальнем Востоке и по другим странам мира» (стб. 24).

Наработки в этом направлении В. Игнатиенко продолжал, и в 1926 г. УНИК издал в серии «Научно-популярная библиотека книговедения», выпуск 6, его брошюру под названием «Українська преса (1816–1923 рр.): Історико-бібліографічний етюд». Это теоретическая работа, по сути, расширенный, доработанный вариант предыдущей статьи, где автор вновь доказывает, что считать украинской прессой, какими принципами нужно руководствоваться при определении данного понятия. Дальнейшие исследования темы позволили ученому доработать собранный материал, уточнить много сведений, учесть все замечания и издать в 1930 г. как четвертый том «Трудів УНІК» основательный библиографический указатель «Бібліографія української преси 1816–1916 (Праці бібліографічної секції за ред. Ю. Меженка)». Здесь зарегистрировано 616 названий газет и журналов, размещенных в хронологическом порядке, а в рамках года – по алфавиту названий. Зафиксирована периодика, изданная в разных губерниях России, в Восточной Галиции, Буковине, Закарпатье, которые не входили в состав УССР, а также и в более далеком зарубежье. В связи с этим целесообразно привести несколько парадоксальную с точки зрения русской критики цитату из рецензии хорошо известного в то время книговеда И. В. Владиславлева (1933 г.): «История украинской прессы и украинской печати вообще – мартиролог. Трудно указать в истории другую, такого же уровня культуры, нацию, которая должна была бы прокладывать путь своему слову через такую систему проволочных заграждений... Гонимое в

одних местах украинское слово пробивало себе путь в других, и стоит лишь открыть стр. 242–243 труда В. Игнатиенко («Список мест, где выходила украинская пресса»), чтобы наглядно видеть всю ту странную «географию распределения» украинского слова по 89 пунктам земного шара, которая имела место за 100 лет (1816–1916)» [9].

В тесном сотрудничестве с комиссией истории книги действовала комиссия искусства книги и техники. Комиссия исследовала процессы создания книги, ее оформления, графику, художественное редактирование книги, переплеты. Руководителем комиссии Н. Е. Макаренко были подготовлены в УНИК интересные работы, посвященные пониманию искусства книги, в первую очередь «Орнаментация української книжки XVI–XVII ст.», где он утверждал: «Не только содержание книги отражает свою эпоху, мысли ее и мечты, взгляды на мир, а в такой же самой мере зеркалом эпохи есть и композиция заглавного листа книги, и рисунки, к тексту поданные, и заставка ... и концовки» [22, с. 183]. Именно Н. Е. Макаренко начал изучение характерного явления старопечатного искусства – миграции гравировальных досок (клише). В УНИК Н. Макаренко подготовил также статью «Мистецтво книжки» [21].

Заместителем руководителя комиссии искусства книги и техники был избран В. Н. Вайсблат, публиковавшийся под псевдонимом Олександр Гер, секретарем – проф. Ф. Л. Эрнст. В состав комиссии входили еще более 10 специалистов, среди них: Д. Щербакивский, А. Середя, П. Куринный, В. Кульженко, А. Усачев, В. Кричевский, П. Клименко. Д. М. Щербакивский в статье «Золотарська оправа книжки в XVI–XIX століттях на Україні» [37] подал информацию о переплетах Евангелий, выделив основные типы переплетов и несколько переходных типов: византийский (византийско-армянский), западноевропейский готический, смешанный готически-ренессансный, ренессансный, барокковый, эклектический. Для каждого типа он указал регионы распространения, характерные памятники, их иконографические, стилистические и технологические особенности. Еще одна статья Д. Щербакивского из истории украинского золотарства – «Оправи книжок кївських золотарів XVII–XVIII ст.» (1926 г. 52 с.), тоже опубликованная УНИК, посвящена проблемам атрибуции по времени и месту изготов-

ления переплетов и окладов Евангелий. Важными были наблюдения автора относительно возможных расхождений между местом их изготовления и местом вклада, между временем создания переплета и временем издания книги. Оба исследования Д. Щербакивского, несмотря на неполноту и фрагментарность, имеют важное значение для истории отечественной книги и искусства, поскольку содержат описания конкретных экземпляров (часть из которых не сохранилась), их фото, интересную дополнительную информацию, а также первые теоретические обобщения материалов об этапах и стилях изготовления переплетов и интролигаторского искусства вообще.

Среди других, подготовленных членами этой комиссии исследований исторического плана, следует отметить названные уже «Матеріали до словника українських граверів» П. Попова, разыскание П. Куриного «Лаврські інтролігатори XVII–XVIII ст.». Два заседания комиссии в 1927 г. были посвящены родоначальнику украинского советского иллюстративного искусства Г. И. Нарбуту [8].

Библиографическую комиссию после С. А. Ефремова в 1928–1929 гг. возглавлял сам Ю. А. Меженко, а с 1930 г. – В. А. Игнатиенко. Эта комиссия долгое время не имела соответствующей секции в составе Института, хотя библиографическая работа была одним из главных направлений его деятельности. Такая секция, четвертая в структуре Института, была создана в 1928 г. Руководителем этой секции стал сначала В. М. Иванушкин; в 1930 г. был утвержден В. А. Игнатиенко. Направления библиографической деятельности УНИК поражают своей разноплановостью, а также масштабом проделанной работы. Институт проводил библиографическую работу по составлению всеукраинского библиографического репертуара, отдельно составлял библиографию печати Украины за 1917–1920 гг., библиографическую энциклопедию И. Я. Франко, библиографический указатель украинского книговедения. На заседаниях комиссии обсуждались как теоретические и методологические проблемы библиографии, так и вопросы библиографической практики. Одним из первых среди украинских ученых начал их разрабатывать опять-таки Ю. Меженко. В статье «Теоретичні передумови організації української бібліографічної роботи» [26] он выделил библиографию из

системы книговедческих дисциплин «как науку терминологически наименее четкую, а значит, и не с достаточно ясно сформулированным кругом вопросов, которые являются ее предметом» [26, с. 48]. Понимая библиографию как науку «формальную», Ю. Меженко подчеркивал между тем, что теоретическую библиографию нужно отличать от библиографических списков – «практической библиографии». Важным заданием он считал разработку темы «Украиника». Ю. Меженко подал схему библиографических дисциплин, которые он разделял на три большие области: схедеография (каталогизация), систематика, организация библиографической работы [26, с. 52]. В практической библиографической деятельности он выделял три направления [26, с. 55]: библиография объективного описания, регистрационная, к которой относил и национальную библиографию; библиография субъективная – аннотационная; библиография с подбором – рекомендационная.

Несколько позже в статье «Актуальні питання української бібліографії» [23] Ю. Меженко предложил иную классификацию, поставив во главу угла цель, с которой разные группы пользователей обращаются к библиографии. Одни ждут от библиографии помощи в плане содержательной характеристики книги, включая пересказ содержания, цитирование, критическую оценку, рекомендации, поскольку формального описания издания им недостаточно, нет возможности понять, нужна ли им эта книга. Это категория читателей неспециалистов. Квалифицированным специалистам такая организационная помощь не нужна, им вполне достаточно обычного библиографического описания. Поэтому Ю. Меженко выделил два вида библиографии – организационную и информационную. Итак, один вид (информационная библиография для специалистов) ограничивается формальным объективным описанием книги, и это книгоцентричная библиография, а другой вид направлен на читателя, на удовлетворение его потребностей, это читателецентричная библиография, более субъективная. Исходя из сказанного, Ю. Меженко высказал идею книгоцентричности, в соответствии с которой одной из задач библиографии является упорядочение книжных потоков, которые сложились исторически, беспристрастная регистрация всех изданий независимо от того, кто и как будет пользоваться результатами этой биб-

лиографии. Собственно, за этот «объективизм», «формализм», отсутствие классового подхода Ю. Меженко и критиковали позже.

Профессор Д. А. Балика, работая в УНИК, также предлагал деление библиографии на два вида: описательную (регистрационную, информационную) и рекомендательную (критическую), исходя прежде всего из их функций – регистрации книг или рекомендации книг читателям, оценки книг. Те же виды библиографии он выделял из других методических позиций: библиография исчерпывающая и библиография избирательная, аннотационная или критическая, когда имеет место оценка произведения [3, с. 54].

Таким образом, в 1920-х гг. в украинском книговедении и библиографоведении (библиографии, как тогда писали) происходило становление терминосистемы, получили определения профессиональные понятия, формулировалась видовая структура библиографии. Среди отечественных ученых в теоретическом плане наибольшие заслуги у Ю. Меженко и Д. Балики, которые за основу деления библиографии брали методы библиографической работы и целевое и читательское назначение. Необходимо вспомнить и библиографию украинской библиологии за 1821–1921 гг., подготовленную Я. Стешенко, его материалы к библиографии украинского книгопечатания, биографический словарь деятелей украинской библиологии, которые, к сожалению, не увидели свет и утрачены из-за ареста и гибели автора.

Приоритетом было составление национальной библиографии или украинского библиографического репертуара. В журнале «Бібліологічні вісті» за 1925 г. констатировалось: «С самого начала своего существования, при полном почти отсутствии средств, Институт через своих корреспондентов старательно собирал произведения украинского печатного станка, особенно первых революционных лет, вполне справедливо полагая, что и теперь уже многие из этих изданий являются большими раритетами, чем даже произведения первых времен книгопечатания на Украине» [33, с. 142]. Об этом же тогда писал за рубежом, используя, конечно, информацию УНИК, Л. Быковский: «Составление этого репертуара является одним из важнейших вопросов украинской библиографии. Это основ-

ной фундамент, из которого украинская наука будет брать необходимый материал. Книжка времен революции исчезает бесследно, и теперь уже некоторые издания есть большими раритетами, чем произведения первого периода книгопечатания, и поэтому в интересах науки теперь же зафиксировать в указателях революционную печать» [5, с. 17].

УНИК удалось собрать весомую коллекцию украинских изданий, которая состояла из 12 000 книг, более 200 000 номеров периодических изданий, 10–12 тысяч листовок, что было реальной базой для составления украинского библиографического репертуара. Разумеется, коллекция не была полной, но для начала работы вполне достаточной. Уже в первый год существования УНИК здесь было начато составление таких работ: полного систематического указателя книг, напечатанных в Украине на протяжении 1917–1923 гг.; библиографического указателя книг на украинском языке, напечатанных на территории Российского государства с 1798 по 1916 г.; библиографического указателя украинской прессы [35].

Важное значение имела предложенная УНИК, прежде всего С. И. Масловым, методика организации Украинского библиографического репертуара старопечатных книг, которая отличалась обстоятельностью и четкостью. Следует признать удачной его понимание понятия «украинский библиографический репертуар», за основу которого С. И. Маслов предлагал этнографически-территориальный принцип. Он подчеркивал, что в репертуар должна войти продукция всех типографий – украинских, польских, еврейских, действовавших в то время на украинских землях; издания различного содержания, типа, внешнего вида независимо от их языка, происхождения авторов и т. п. И хотя украинский библиографический репертуар XVI–XVIII вв. тогда, по понятным причинам, создан не был, многие его положения, разработанные деятелями УНИК, были использованы позже А. Запаско и Я. Исаевичем при составлении «Каталогу стародруків, виданих на Україні» [14].

Среди опубликованных теоретических работ, подготовленных в УНИК по вопросам национальной библиографии, наиболее основательной, обобщающей наработки за 10-летний период, является статья П. Иноземцева «Проблема національної бібліографії на Україні» [16]. В ней приводится перечень то-

гдашней литературы по теме, характеризуются основные черты общих национальных библиографий разных стран, уточняется проблема национального библиографического репертуара в Украине. Вопрос «Основные принципы составления украинского библиографического репертуара и участие научных учреждений в этом деле» рассматривался на заседании библиографической комиссии 19 февраля 1930 г. Совместными усилиями ВБУ, УКП и УНИК была проведена большая работа, выработана концепция «Украиники», создан значительный книжный фонд последней.

Постепенно историко-книговедческий и библиографический уклон, который явно ощущался до 1926 г. в научных исследованиях УНИК, несколько уступает место социологическим исследованиям. Происходит изменение объекта изучения – не просто книга, а обязательно во взаимодействии с читателем. По сути, именно социологическое направление исследования комплекса «книга – читатель» и является основным вкладом ученых УНИК в теорию и книговедение, и библиотековедения. Эта деятельность осуществлялась через «Кабинет изучения книги и читателя», который начал работу с 1 октября 1926 г. на правах секции социологии книги. Основной задачей Кабинета было изучение проблемы влияния книги на читателя и разработка на этой основе методов обслуживания читателя в библиотеке и методов самообразования [14]. В 1927 г. с целью изучения состояния библиотечного дела УНИК провел всеукраинское обследование 11 тысяч библиотек. Это первое (во всем Советском Союзе) обследование библиотек было абсолютно новаторским. При кабинете была организована сеть из 187 «бибкоров» – библиотечных корреспондентов, которые по заданию Кабинета собирали материал о читателях украинской книги.

Практической задачей кабинета было изучать массовые запросы читателей, исследовать их закономерность и на основе этого вносить коррективы в издательское дело. В перспективе, на основе достижений теоретической работы и длительного сбора и изучения материалов, кабинет намечал: добиваться приближения автора к читателю как потребителю его продукции; управления издательским делом с точки зрения интересов и потребностей массового читателя; научной организации ра-

ционального обслуживания читателей и научной организации самообразовательного дела. Руководителем кабинета был утвержден Василий Михайлович Иванушкин, секретарем – К. А. Довгань. С 1 октября 1927 г. кабинет возглавил Д. А. Баллика, который плодотворно работал здесь до 1930 г.

Концептуальной можно считать теорию, достаточно сложную для восприятия потенциальными потребителями этой работы, изложенную в книге В. Иванушкина «Проблема читачівства та її вивчення» (1926 г.) [15], в которой были предложены формы организации и методы работы кабинета. Термин, предложенный им – «читачівство», достаточно приблизительно можно перевести как «читательство», но в этом переводе теряется научная составляющая или оттенок понятия; ближе сегодняшний термин «читателеведение». Важны уже первые слова книги: «Изучение проблемы читательства является, безусловно, одним из наиболее актуальных вопросов книговедения. Оно является также и наиболее сложным относительно формы организации и методов своего осуществления» [15, с. 5]. Объектом исследования В. Иванушкин определил целый комплекс «книга – читатель» (раздел 2) как определенную комбинацию социальных явлений [15, с. 8] и настаивал, что поставленное кабинетом задание может быть исполнено только при условии изучения книги и читателя в их взаимосвязи: «Как нельзя говорить о существовании читателя без книги, так нельзя представить себе социальной роли книги без читателя как объекта влияния книги. Это азбучное утверждение имеет глубокое принципиальное содержание, отрицая возможность разрыва этих двух элементов проблемы, исследование которой мы ставим своим заданием», – утверждал он [15, с. 20], несомненно, под влиянием идей Н. Рубакина. Автор подает своеобразное определение термина «книга»: «рациональная печатная продукция, за исключением рекламы [в сноске – и «того, что печатается с чисто технической целью (бланки)»], как продукт более экономики, чем педагогики, хотя и созданный на одинаковых психологических основах» [там же].

Возможные методы исследования книги как отдельной части комплекса рассмотрены в разделе 4 этого издания. Согласно В. Иванушкину, книга в этом комплексе изучается по таким признакам: а) внешний вид (оформление, шрифт, формат, пе-

реплет, которые имеют изначально психологическое влияние на читателя, в том числе негативное, поэтому он обращает внимание на гигиену книги); б) содержание – главный признак (включая мировоззрение автора; научность в понимании компетентности автора в той области, в которой он пишет, обоснованности утверждений в популярной литературе или художественности произведения для художественной литературы; читательскую ориентацию; читательское назначение книги); в) форма изложения (язык, стиль, связанные непосредственно с вопросами соответствия книги определенной аудитории); г) иллюстрации (как составляющая психологического влияния на читателя; удовлетворение эстетических требований); д) дополнительные признаки (социальное назначение книги, особенности издания). Практическая деятельность кабинета должна была иметь определенные результаты: внесение корректив в писательскую и издательскую работу по улучшению формы и содержания книг, стимулирование труда графиков в поисках синтеза формы и содержания произведений, работа над установлением стандарта книги как продукта массового потребления.

Самый объемный 5-й раздел в брошюре посвящен читателю. В. Иванушкин дает такое определение читателя: «Под читателем следует понимать социальную личность, которая вступает в определенный конфликт с содержанием и формой книги. Этот конфликт является составной частью диалектического процесса чтения и усвоения книги» [15, с. 20]. Он утверждал, что «психика читателя не является пассивным приемником чужих мыслей, высказанных в книге, но критическим, даже при малом интеллектуальном развитии читателя, аппаратом, который корректирует авторские мысли влиянием предыдущих реакций и их отражением в психике читателя» [15, с. 20]. Изучение читателя является сложной задачей, так как читатель не является однородным и инертным. Весь процесс исследования читателя В. Иванушкин делил на три стадии: 1) исследование отдельных читателей; 2) структуризация читателей по отдельным признакам; 3) классификация читателей по группам, по совокупности наиболее важных признаков.

Всего кабинетом было собрано 9500 анкет: 3000 среди женщин, 2800 среди крестьян, 3700 среди студентов. Среди жен-

щин собрано было еще до 1000 отзывов на прочитанные книги. Исследование «Рабочая молодежь и художественная литература», обобщенное сотрудником УНИК Я. Керекезом, показало, что «общая политическая квалификация» молодых рабочих значительно выше литературной. На каком-то этапе сотрудники кабинета поняли, что нужен определенный перерыв в сборе материалов для проведения научных исследований, чтобы изучить, подытожить собранный материал и переходить на новую ступень исследований, в том числе написания и публикации соответствующих научных трудов кабинета. Часть материалов, оформленных в виде статей, была объединена в сборник «Бібліотека і читач на Україні / Труди Кабінету вивчення книги й читача» и издана как 2-й том «Трудів Інституту книгознавства» [6].

Рецензировались работы по книговедению, обсуждались различные вопросы, которые касались социологии книги. Большое внимание уделялось изучению (и критике) библиопсихологической теории Н. Рубакина. С обоснованной критикой определенных утверждений теории Н. Рубакина на страницах «Бібліологічних вістей» выступил Д. А. Балика. Здесь появились его фундаментальные статьи «Аналітичний та синтетичний метод вивчення читачівства», «Про класифікацію друків за соціальним призначенням», «Ще про наукові та організаційні проблеми книговивчення» и «Бібліологічна педагогіка як наука», которые можно рассматривать как попытку построить соответствующую систему книговедческих дисциплин. В названных работах он стремился раскрыть взаимосвязи книговедения – педагогики – библиотековедения. В частности, Д. Балика считал, что науки, входящие в книговедческий комплекс, тесно связаны, но в то же время развиваются самостоятельно. Книговедение он делил на теоретическое и практическое, к последнему относил и библиотековедение. отождествление общей теории книговедения с социологией книги было характерно для многих книговедов того времени и объяснялось усилением внимания в теоретических исследованиях к проблеме социальной функции книги. Сегодня эти проблемы целесообразно рассматривать в комплексе наук социальных коммуникаций.

Итак, в процессе становления книговедения не сразу определились его предмет и задачи. Само понятие «книговедение»

трактовалось по-разному. По заключению сотрудницы УНИК Н. Биркиной, проблема читательства занимала почетное место во многих участках книжного дела и составляла тот основной стержень, вокруг которого шли тогда методологические споры относительно перестройки книговедения под социологическим углом [7, с. 18]. В дискуссии по поводу определения понятия «книговедение», происходившей в 20-х гг., активное участие принял опять-таки Д. Балика, в частности, в статье «Ще про наукові проблеми книговивчення» [4]. Он категорически выступил против замены М. Куфаевым понятия «книговедение» невыразительным термином «библиосоциология». Вместе с тем изучение читателя, при котором учитываются типологические признаки той социальной группы, к которой принадлежит читатель, Д. Балика называл библиосоциологическим. По его мнению [2, с. 5], установить социальное назначение книги – это значит ответить на вопрос, каким группам читателей адресует книгу автор и издатель, кому она будет наиболее полезной. Он отрицал чисто психологический подход Н. Рубакина, поскольку считал слишком сложным распределение книг по психологическим типам читателей и саму классификацию читателей по психологическим признакам.

Д. Балика настаивал на необходимости рассматривать читателя по социальному положению (крестьянин, рабочий, ремесленник), возрастной группе (дети, молодежь, взрослые), уровню образовательной подготовки и по профессиональной группе. Именно он обосновал термин «библиологическая педагогика» [1], предложенный В. М. Иванушкиным еще в 1926 г. Институируя новую дисциплину – библиопедагогику, Дмитрий Андреевич доказывал, что она «решает чрезвычайно важные для человеческого общества вопросы, какой должна быть книга, чтобы дать лучшие результаты и иметь большее влияние, и какой должна быть организация книги и знания читателей, чтобы усилить значение книги» [1, с. 16]. Главная же ценность его разработок заключалась в попытке теоретически обосновать и дать ответ на основной вопрос, который решал названный кабинет, а именно: изучение функционального взаимодействия в комплексе книга – читатель. Методологически верное применение ученым методов историко-книговедческого анализа, информационного подхода, типологического метода дало

ему возможность сделать ряд важных научно-обоснованных выводов. По его мнению, в изучении книги, читателя, процесса чтения следует использовать синтетический и аналитический методы, которые взаимосвязаны. Характерна в этом плане цитата из Договора о соцсоревновании между УНИК и Ленинградским институтом книговедения за 1930 г. [12]: «Современное книговедение призвано перестроить старые методы работы с книгой, которые базировались на понимании книги как фиксации мысли графическими знаками, на новые, которые должны базироваться на понимании книги как организатора мысли. Этим книговедение неизбежно переконструируется на библиосоциологию. Ведущую роль должен играть УНИК». Н. К. Леликова справедливо утверждает, что книговедение и библиография в Украине намного сильнее чувствовали влияние «социологизации», поэтому здесь к читателю было привлечено особое внимание, как к одному из субъектов, который взаимодействует в рамках социологических систем (книговедческих и библиографических) [20, с. 361].

Во второй половине 1920-х гг. вопросами изучения читателя, социальной функции книги занимался также секретарь Кабинета, аспирант УНИК, он же одновременно редактор харьковского журнала «Критика» К. А. Довгань. В статье «На одній з ділянок культурного фронту», напечатанной в газете «Культура і побут» 3 октября 1926 г., К. Довгань писал: «Примат читателя – вот лозунг, который надо претворять во всех отраслях книжного труда» (явное влияние Н. Рубакина). Литературное произведение он рассматривал как орудие воздействия на читателя, считал, что самое гениальное поэтическое произведение не может быть гениальным, если его никто не прочитал: «История литературы – это история прочитанного, а не история написанного» [там же]. Рассматривая библиопсихологию Н. Рубакина, он утверждал, что характер влияния зависит не от книги, а от характера психики читателя; смыслов в книге столько, сколько читателей (аналогично идеям Н. Рубакина, В. Иванушкина, Д. Балики).

В книге «До питання про соціальну функцію книги» [10] К. Довгань дал научно-теоретический анализ работ различных книговедов и методологическую схему проблемы социальной функции книги. Книговедение он определяет как общую науку,

которая «вырастает на основе наук отдельных (они тоже выросли на основе книжной практики), – значит, и позже них. Но, появившись, книговедение – общая теория книги (как и всякая другая общая теория) набирает вес фактора общеметодологического, все больше влияя на развитие всех дисциплин, изучающих книгу, все больше претендуя на роль методологического гегемона, который определяет и диктует им общие принципы исследования, устанавливая, в частности, принципы их взаимоотношений, строя на основе этих принципов систему книговедческих наук» [10, с. 24].

Социальную функцию книги К. Довгань трактовал двояко: первое звено – объективная действительность влияет на идеологию человека, его язык, а это отражается графическим способом в книге, и второе звено – графика книги влияет на язык, через нее на идеологию человека и далее на его деятельность [10, с. 65], т. е. природу книги он считал идеологической. Отсюда К. Довгань делал вывод, что книговедение в основном – наука идеологическая, методология книговедения может развиваться только на основе диалектического материализма [10, с. 68], и выдвигал категорическое требование методологического монизма. Эти постулаты были в русле общего развития книговедения второй половины 1920-х – начала 1930-х годов, основным содержанием которого являлось сосредоточение усилий именно на идеологических вопросах методологии науки, выявлении сущности книги, ее социальной природы и классовой роли, интерпретации этих проблем с позиций исторического и диалектического материализма. К. Довгань выдвинул в этой работе ложный принцип «классово-целесообразной книжной практики в пролетарском обществе» [10, с. 91], своеобразную «библиополитику» [10, с. 93].

Других взглядов на книгу, состояние книговедения придерживался ленинградский ученый М. Н. Куфаев, который опубликовал в изданиях УНИК несколько своих работ, поэтому они получили известность в первую очередь среди украинских книговедов: «Книга як поняття та предмет науки та бібліографія як документальна наука про книгу» (1925), «Книга і “формальна” метода» (1926), «Наукові та організаційні проблеми книговивчення» (1927). Положительным в этих статьях было то, что книговедение трактовалось в них не конгломератом, а системой знаний, т. е. наукой.

Разработка теоретических вопросов книговедения в УНИК этим не ограничивалась. 17 февраля на совместном заседании комиссий обсуждался доклад М. Т. Яновского «Логический анализ понятия книга». Это исследование, переработанное автором согласно высказанным в УНИК замечаниям, вышло в Киеве в 1929 г. [38] с предисловием С. И. Маслова. Небольшая, но ценная монография М. Яновского посвящена определению понятия «книга» различными учеными, начиная с дефиниции этого термина в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Д'Аламбера в XVIII в. Автор не только собрал значительный теоретический материал, но путем анализа различных утверждений пытался установить те признаки, которые являются типичными для понимания книги и таким образом позволяют дать ее универсальное определение. Уточняя приведенные другими учеными высказывания, Яновский соглашается, что книга – это способ передачи человеческой мысли. При этом она может передавать не только знания, но и эмоции, чувства; она может осуществлять целенаправленное воздействие на человека (агитационная литература, например), пробуждать волю, порождать действия. Среди функций книги также сохранение содержания («книги делают нас современниками уже прожитых времен» [38, с. 75]), а следовательно, книга может иметь архивное значение. Как положительное качество книги он подчеркивал ее общедоступность и портативность.

Автор утверждал, что книги порождаются потребностями текущего момента и должны соответствовать обычаям и традициям той или иной эпохи, местности. Поэтому форме книги свойственны изменения. Заглядывая в будущее, он писал: «Возможно, нам трудно представить себе другую форму книги, отличную от той, которая сейчас превалирует. Но это, в конечном итоге, зависит от бедности или богатства нашей фантазии» [38, с. 103]. Он даже предлагал отбросить количественный критерий (количество страниц) в определении книги, тем более, что ее форма может быть разной (например, китайские книги в форме гармоники) [38, с. 108–111]. М. Яновский стремился развить мысль о внутреннем и внешнем единстве книги, ее целостности. Он указывал, что иногда между некоторыми книгами существует связь более тесная, чем между частями одной книги. Ученый исключал материал из числа признаков,

которые должны найти отражение в определении термина «книга», так же, как и критерий тиража.

Очень важным является вывод ученого, что принципиальной разницы между книгой рукописной и печатной нет – только способ производства, в отличие от конторских, бухгалтерских книг, где вместе сшиты пустые листы или бланки, так как их невозможно библиографировать, а связь книг с библиографией, считал он, является определяющей. Вследствие проведенного анализа М. Яновский подает собственное определение: «Книга – продукт человеческого творчества, воспринимаемый органами зрения или осязания, в устойчивой форме, как комбинация знаков, требующих для своего восприятия собственной установки по отношению к указанным органам и объединенных между собою таким образом, что разъединение их невозможно без разрушения книги» [38, с. 158]. Идеальным такое определение назвать нельзя, но собранные в работе характеристики книги, аргументы и дефиниции интересны и сегодня.

Работники УНИК хорошо понимали значение словаря книговедческих терминов, над созданием которого они работали. Отбор терминов происходил путем подчеркивания и выписывания терминов в комплекте «Бібліологічних вістей». Эта работа выполнялась на общественных началах. Был утвержден детальный проект плана терминологического словаря книговедения, разработанный С. Г. Кондрой [30], но, к сожалению, проект не был реализован.

Проведенный анализ научной работы УНИК позволяет утверждать, что развитие книговедения (в широком смысле этого понятия) в УССР в 20-х годах XX в., представленное главным образом трудами именно Украинского научного института книговедения, было весьма плодотворным и своеобразным. Его отмечала направленность в сторону изучения читателя, социологии книги, роли искусства книги, библиографической деятельности, а также создание первых фундаментальных исследований истории отечественной книги. Осуществленная Институтом в этих направлениях работа свидетельствует, что в течение всего восьми лет была создана Украинская школа книговедения, чьи достижения благодаря публикациям Института получили признание далеко за пределами Украины. Детально деятельность Института книговедения рассмотрена нами в специальной монографии [18].

Литература и источники

1. Балика, Д. А. Бібліологічна педагогіка як наука / Д. Балика // Бібліологічні вісті. – 1930. – № 2. – С. 15–28.
2. Балика, Д. Про класифікацію друків за соціальним призначенням / Д. Балика // Бібліологічні вісті. – 1927. – № 1. – С. 5–36.
3. Балика, Д.А. Рекомендательная (критическая) библиография / Д. А. Балика // Библиография. – 1929. – № 2/3. – С. 41–71.
4. Балика, Д. Ще про наукові та організаційні проблеми книговивчення (декілька побіжних зауважень) / Д. Балика // Бібліологічні вісті. – 1927. – № 4. – С. 91–95.
5. Биковський, Л. Український науковий інститут книгознавства : інформація / Л. Биковський. – Подєбради, 1925. – 47 с.
6. Бібліотека і читач на Україні: Праці Кабінету вивчення книги й читача. Зб. 1 / за ред. Д. Балики. – Харків ; Київ : ДВУ, 1930. – 240 с. – (Труди / УНІК ; т. 2).
7. Біркіна, Н. Бібліотечний кореспондент та його робота / Н. Біркіна. – Київ, 1929. – 24 с.
8. В комісіях Українського науково-дослідного інституту книгознавства // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 4. – С. 74.
9. Владиславлев, И. В. Рец. на кн.: Ігнатієнко В. Бібліографія української преси, 1816–1916. – Київ, 1930. – 288 с. – (Труди / УНІК ; т. 4. Праці бібліографічної секції) / И. В. Владиславлев // Сборник статей по библиографии и работе научных библиотек / Русиан С.Ф.С.Р. Народный комиссариат просвещения. Сектор науки. – Москва : Гос. центр. книжная палата, 1933. – С. 212.
10. Довгань, К. До питання про соціальну функцію книги / К. Довгань. – Харків ; Київ, 1931. – 102 с.
11. Довгань, К. [«Кабінет вивчення книги й читача»] / К. Довгань // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 3. – С. 83.
12. Договір про соц. змагання поміж УНІК та Ленінградським інститутом книгознавства. Машинопис. [1930] : Национальная библиотека Украины имени В. И. Вернадского. Институт рукописи (далее – ИР НБУВ). Ф. 33. Ед. хр. 2240. 2 л.
13. До Укрнауки [Докладная записка] : ИР НБУВ. Ф. 33. Ед. хр. 2236. Л. 1–1об.
14. Запаско, Я. Пам'ятки книжкового мистецтва : каталог стародруків, виданих на Україні / Яким Запаско, Ярослав Ісаєвич. – Львів : Вища школа, 1981–1984. – Кн. 1–2 (у 3 ч.).
15. Іванушкин, В. Проблема читачівства та її вивчення (Форми організації та методи роботи Кабінету вивчення книжки та читача при У.Н.-Д.І.К.) / В. Іванушкин. – Київ : УНІК, 1926. – 32 с.
16. Іноземцев, П. Проблема національної бібліографії на Україні / П. Іноземцев // Бібліологічні вісті. – 1929. – № 2–3. – С. 5–25.

17. Ковальчук, Г. І. Варфоломій Андріанович Ігнатієнко / Галина Ковальчук // Українська періодика: історія і сучасність : доповіді та повідомлення. – Львів, 2000. – С. 471–475.
18. Ковальчук, Г. І. Український науковий інститут книгознавства (1922–1936) / Г. І. Ковальчук. – Київ : Академперіодика, 2015. – 688 с.
19. Корнейчик, І. І. Український книгознавець, бібліограф та бібліотекознавець проф. С. І. Маслов / І. І. Корнейчик // Бібліотекознавство і бібліографія. – 1967. – № 4. – С. 101–114.
20. Леликова, Н. К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века / Н. К. Леликова. – Санкт-Петербург : РНБ, 2004. – 416 с.
21. Макаренко, М. Мистецтво книжки / Микола Макаренко // Бібліологічні вісті. – 1924. – С. 94–100.
22. Макаренко, М. Орнаментация української книжки XVI–XVII вв. / Микола Макаренко // Українська книга XVI–XVII–XVIII ст. – Київ, 1926. – С. 153–218. – (Труди Українського наукового інституту книгознавства ; т. 1).
23. Меженко, Ю. Актуальні питання української бібліографії / Ю. Меженко // Життя й революція. – 1927. – № 9. – С. 284–287.
24. Меженко, Ю. Вступна стаття / Ю. Меженко // Бібліотека і читач на Україні. – Харків – Київ, 1930. – С. 5–7. – (Праці Кабінету вивчення книги й читача ; зб. 1).
25. Меженко, Ю. Підсумки і деякі перспективи в українській бібліологічній роботі / Ю. Меженко // Бібліологічні вісті. – 1925. – С. 40–46.
26. Меженко, Ю. Теоретичні передумови організації української бібліографічної роботи / Ю. Меженко // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 4. – С. 48–57.
27. Перша Всеукраїнська нарада робітників книги // Бібліологічні вісті. – 1923. – № 4. – Стовп. 59.
28. Положення про Український науковий інститут книгознавства : ИР НБУВ. Ф. 47. Ед. хр. 5. Л. 1.
29. Положення про Український науково-дослідний інститут книгознавства (УНІК) // Бібліологічні вісті. – 1926. – № 2. – С. 85–86.
30. Протоколи засідань Бюро УНІК за 1928 р. 27 арк. : ИР НБУВ. Ф. 47. Ед. хр. 154. Л. 22, 23.
31. Тези доповіді про УНІК для заслуховування на Президії Укрнауки Наркомосвіти. 1928 р. : ИР НБУВ. Ф. 47. Ед. хр. 156. 7 л.
32. Українська книга XVI–XVII–XVIII вв. – Київ, 1926. – С. VII–IX. – (Труди УНІК ; т. 1).
33. Український інститут книгознавства / М. Ів. // Бібліологічні вісті. – 1925. – № 1–2. – С. 142–145.
34. Український науковий інститут книгознавства : ИР НБУВ. Ф. 33. Ед. хр. 2250.

35. Український науковий інститут книгознавства // Бібліологічні вісті. – 1923. – № 3. – Стовп. 39.

36. Шимченко, Ф. З. Внесок ЦНБ АН УРСР у розвиток українського радянського книгознавства / Ф. З. Шимченко // 50 років Центральної наукової бібліотеки АН УРСР : матеріали ювілейної конф. – Київ : Наукова думка, 1974. – С. 45–55.

37. Щербаківський, Д. Золотарська оправа книжки в XVI–XIX століттях на Україні / Данило Щербаківський // Бібліологічні вісті. – 1924. – С. 101–113.

38. Яновский, М. Ф. О книге. Опыт анализа понятия «книга» / М. Ф. Яновский. – Киев : Культура, 1929. – 188 с.

39. Miłoś, K. Księgoznawstwo ukraińskie w dwudziestoleciu międzywojennym / K. Miłoś // Studia o Książce. – Wrocław, 1970. – Т. 1. – S. 25–41.

Summary

Halyna Kovalchuk. Ukrainian Bibliological School of the 1920s

In the article the work of Ukrainian Scientific Institute of Bibliology, which in 1920s represented bibliological researches in USSR, is described. Ukrainian bibliological school had special features that distinguished it from bibliological schools of other countries.

Самойлюк Тамара

РЕЛИГИОЗНАЯ КНИГА КАК КНИГОВЕДЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ФУНКЦИИ И СВОЙСТВА¹

Религиозная книга рассматривается как книговедческая категория, анализируются ее сущностные характеристики в контексте подходов к изучению религиозной жизни общества в исторической ретроспективе. Выделяются свойства и сакральные функции религиозной книги как основы разработки ее типологической модели.

Религиозная книга² в книговедческой теории и практике не была объектом специального изучения. В советский богобор-

¹ Первая публикация: Функциональная сущность и свойства религиозной книги / Т. А. Самойлюк // Матэрыялы Трэціх Міжнародных Кніжнаўчых чытаньняў “Кніга Беларусі: Пвязь часоў” (Мінск, 16–17 верасня 2003 г.) / Нац. б-ка Беларусі ; склад. Т. І. Рошчына. – Мінск, 2005. – С. 105–117. – Библиогр.: с. 115–117 (40 назв.) и в подстроч. примеч.

² В отношении понятия «религиозная книга» часто используется понятие «духовная книга», «духовная литература». Если в эпоху христианской цивилизации понятие духовности соответствовало только христианскому его пониманию, то теперь оно рассматривается в рамках секуляризованной культуры, которая, «обособившись от христианства, утверждает мирозерцание без Богопознания» [28, с. 156]; рас-